

Маленькие эпизоды большой жизни
(Садриддин Айни)

Отаджинско-узбекском классике Садриддине Айни (1878 — 1954) при жизни ходило много байек. Часто забавных и безобидных, но не только...

Вот одна из них. В конце 40-х прошлого столетия, будучи в командировке в Москве, Айни в знак уважения пригласил в ресторан писателя К.Симонова и переводчика Г.Финца. Ну, как водится, хорошо выпили (кроме виновника торжества), хорошо закупились, хорошо поговорили и разъехались по домам...

А примерно через месяц в Москву Симонову и Финцу из Душанбе от Айни пришёл ресторанный счёт. Писатель поделил расходы на трюх и просил их вернуть почтовым переводом. Вот такое получилось утешение...

А вот другая байка, похожая на байку Садриддин Айни был уже академиком, преподавал в Самаркандском университете, и по штату за ним была закреплена машина «ЗИМ», на которой шофёр три раза в неделю доставлял уважаемого домулло* до места работы.

Однако Айни почему-то часто отказывался от машины и по старой юности привычке зарплату своего белого ослёка и трусил на нём к университету. Со стороны это, возможно, выглядело некой блажью... Знаменитый писатель, академик (не Холжа же Насреддин!) — и на осле! А на вопрос недоумённых коллег-преподавателей: «Неужели, домулло, на осле вам удобнее добираться, чем на "Зиме"?» — Айни неизменно отвечивал: «Машина может сломаться в дороге, а ослё — никогда! К тому же бензин-мензин ей нужен, а это, считайте, деньги, брошенные в тандыр**».

Таким скупым, даже скаредным вырисовывался из этих обрывочных историй образ знаменитого писателя и учёного, человека, в общем-то, трагической судьбы, чем-то по аналогии схожей с судьбой другого, русского самородка из народа — Максима Горького.

Но так ли всё обстояло на самом деле? Где выдумка, а где правда?

Многое выяснилось после моей беседы с Рахимом Мукумовым (1922 — 2000) учёным-литературоведом. В начале 50-х годов он жил в Самарканде и учился в аспирантуре. Руководителем его научной работы был непосредственно Садриддин Айни. Мукумов на протяжении ряда лет посчастливилось находиться рядом с патриархом литературы и науки, сопровождав его в поездках по Узбекистану и Таджикистану.

— Это был кристальной души человек, — рассказывал Рахим Раджабович. — Внимательный к людям и щедрым на добрые поступки. Я хорошо помню гостеприимный дом Айни в Самарканде, просторный двор с различными постройками. Помню, как со стороны соседского двурка к ним съезжала чуть ли не пол-уличины. Плодоносное дерево каждое лето усыпало двор сладкими плодами. Домулло каждый раз наказывал дочери собирать абрикосы. И она, сложив их в вёдра, относила соседу. Хотя тот иной раз отказывался от плодов:

оставьте, мол, себе... Факт, возможно, незначительный, но характеризует человека... «У соседа много детей, да к тому же есть овцы, — говорил Айни. — А нам зачем чужой урожай?»

Памятной для меня осталась и поездка с Айни в Ленинабад (ныне Худжанд) на встречу с читателями. Встреча происходила в пединституте. Потом в одном из кабинетов корреспондент местной газеты долго фотографировал Айни. Просил его то встать к окну, то подойти к парте, то сесть за стол... Наконец, как сейчас бы сказали, фотосессия закончилась.

— Когда будут готовы снимки? — спросил Айни.

— Домулло, — сказал вежливо корреспондент. — Я пришлю вам их вместе с газетой по почте...

— Э, э, так дело не пойдёт, — посуровел классик. — Я знаю корреспондентов... Особенно фотографов-мамографов. Они, как башмачники или портные... Никогда не бывают точными... Обманывают или забывают...

— Что вы предлагаете? — обиделся корреспондент.

— Сделать фото к вечеру, к нашему отъезду, — Айни порылся в кармане кителя, достал деньги и протянул корреспонденту.

Тот наотрез отказался от гонорара. Однако снимки были доставлены нам в указанное время.

До глубины души, пожалуй, меня тронул другой случай. Я успешно защитил кандидатскую диссертацию. И в этом тоже была немалая заслуга Айни. По такому знаменательному случаю (домулло никогда не посещал банкеты!) и чтобы как-то возполнить эту брешь, я купил дорогой подарок и в назначенный час пришёл к своему наставнику. Айни, как всегда, принял меня радушно, провёл в кабинет, заставленный книгами, усадил за старинную столешницу, принадлежавшую, говорят, самому генералу Куропаткину. Мы долго говорили о домулло о жизни, о моём будущем, о литературе... Затем Айни достал из шкафика, встроеного в стену, бутылку дорожественного коньяка. Налил мне пшалу — одну, вторую, сам он не пил, а только желал успехов... Так же неожиданно оторвал бутылку с пшалою и определил их на место. При этом не преминул сказать:

— Ибн-Сина говорил: малая толка вина — здоровье, большая — вред...

И, конечно, уходил я домой со своим дорожественным свёртком. Домулло категорически отказался брать его... Таким мне Айни и запомнился на всю жизнь.

— А как же байка про ресторан, Рахим Раджабович? — спросил я, выдержав паузу.

— Знаю я её, знаю, — улыбнулся мой собеседник. — Для отчёта в бухгалтерии университета у Айни потребовали росписи на чеке Симонова и Финца, но ни о каком возврате денег и не было речи... А бюрократы во все времена оставались бюрократами. Так командировочная была обременена анекдотом. И про ослё Айни я прекрасно знал. Домулло всегда ценил свой и чужой труд. Относился ко всему бережливо. Ведь нам, современникам, трудно понять человека, жившего в древней Бухаре при феодальном строе, сидевшего в эмир-

Николай Кравцов

ском зиндане***, чудом миновавшего казнь, познавшего в детстве и юности нищету и голод...

Впрочем, Айни прекрасно написал об этом в своих книгах «Смерть ростовщика», «Дохунда», «Рабь», «Воспоминания», «Бухара», ставших достойным таджикской и узбекской литературы. В своё время поседания из них («Бухара») была удостоена Государственной премии СССР.

Произведения Айни были также переведены на русский язык, на многие другие языки мира.

* Уважительное обращение к учителю (тюрк.)
** Глициновая пень (тюрк.)
*** Тюрьма (тюрк.)

Одинокий пастух олова
(Чингиз Айтматов)

Середина 90-х. Буёное время раздора Смогущественной державы. Машиновые пиджаки, бильярдные затканы, золотые цепи, распорные пальцы. Бандитские разработки, отстрел бизнесменов и политиков. «Отстрел промпартии» — вежливо шутил мой старший приятель, памятуя приснопамятные 30-е годы. Идут войны на Кавказе. То там загорится, то здесь... Погаёт пожар в одном месте — вспыхивает в другом. И так изо дня в день. На «голубом глазу» и в газетах — военные сводки. И, странное дело, начинаешь привыкать к непрерывной жизни с новым мышлением... Такова, видимо, сила манипуляции словом.

Но всё это, кажется, происходит где-то далеко, там, за пределами республики. Здесь же, в Ташкенте, относительная тишина. Правда, передел тоже идёт (время «космического хашака» не миновало и местную элиту), но проводится относительно скрытно, тихо. Скрытно делают, скрытно воруют и скрытно не платят законопослушным гражданам — на госслужбе и особенно у новоявленных буржуев-баев...

В один из таких дней поздней среднеазиатской осени (услужливые местные политики уже назвали её по американской подкаске «центральноазиатской») с татарским поэтом Рифатом Гумеровым возвращался домой через бывший Красную площадь — ныне Мустакиллык (Свобода). Опять же, возле бывшего по-

восточному помпезного музея Ленина, у светофора, мы остановились. По домам мы не спешили, хотелось выговориться о стихах, о нынешней непонятной и паршивой жизни... К тому же и день портился на глазах: рано стемнело, стал накрапывать дождик, под ногами металась листва... И тут Рифат вдруг схватил меня за рукав.

— Смотри, — сказал он, — Живо классик!

Неподалеку от нас в реденькой толпе стоял Чингиз Айтматов. Я его сразу узнал по многочисленным фотографиям и редким встречам в Союзе писателей, в издательствах, на различных симпозиумах, где он неизменно сидел в президиуме...

Писатель был в плаще и шляпе. Я знал, что в городе в эти дни проходит какое-то совещание по культурным связям центральноазиатских республик. Чингиз Айтматов был председателем мероприятия и специально приехал для участия в нём из Киргизии. К тому же, здесь, в Ташкенте, у Айтматова было много друзей — коллег по перу, почитателей его огромного таланта... Он всегда находился в окружении множества людей. К нему было крайне трудно пробиться на приём, взять у него интервью и т. п.

А тут вдруг — один, без провожатых и даже без машины, лёхом, как многие. Стали обидно за всемирно известного писателя. Я тоже безмерно любил его книгу, особенно ранние: «Тополёк мой в красной кофты», «Первый учитель», «Прощай, Гульсарь», «Пегий пёс, бегущий краем моря»... Светлые, жизнелюбивые, шепчущие сердце книги...

И мне в голову пришла дерзкая мысль.

— Давай, Рифат, — предложил я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

— Верно, — согласился Гумеров. — А бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачивать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов и грустно вздохнули.

— Давай, Рифат, — настоял я, — пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомневался друг.

— Это второе дело, главное — пригласить, — настоял я.

В это время мимо нас с шумом промчался правительственный кортеж. Озоро мигнул зелёный глаз светофора. Прохожие облегчённо двинулись с места.

Мы с Гумеровым долго ещё провожали рассеянным взглядом высокую и чуть сутулившуюся фигуру писателя. Он был совершенно одинок, как, впрочем, и мы, среди разношерстной и равнодушной толпы, незаметно и одиночье превратившейся из «читающего» народа в «считающий»...

Когда-то один из критиков очень метко назвал Айтматова в своей статье «пастухом слова»... И это был точный эпитет. Сейчас «пастух», как нам казалось, одиноко и медленно таил, таил в свете ярких огней, мокрого асфальта и аляповатых листьев... Путь его лежал в гостиницу, а наш, естественно, в кафешку — под флагом... Обида давила...

Однако мой несостоявшийся встреча с известным писателем всё же имела такое же случайное, но, к счастью, логическое завершение.

Года через два после этого случая, будучи главным редактором журнала «Звезда Востока», я пришёл с какими-то бумагами на подпись в республиканский центр по культурным связям с его председателем писателем-фронтником Адылу Якубову. У него в кабинете как раз находился приехавший на очередное совещание... Чингиз Айтматов!

Секретарша, молоденькая газель с озорными глазами, доложила о моём приходе, и Якубов без всяких проволочек принял меня. Я поздоровался с аскакалами нашей литературы.

— Давай, что надо подписать, — сказал протото Якубов.

Когда бумага была завизирована, я собрался было уходить, но Адыл Якубович решительно остановил: — Э, не торопись, Николай. У тебя неотложные дела, да? Не хочешь выпить с нами по пшалу чаша чая, да?

— Почему не хочу? — засмутился я.

— Тогда присаживайся.

Чингиз Айтматов сидел в кожаном кресле в строгом костюме и при галстуке. Перед ним на журнальном столике стоял фарфоровый чайник, разрозванный хлопковыми коробочками, и пшалушки. Зашла секретарша, поставила лянган с кураргой, кишимеш и миналдём...

За душным зелёным чаем потекла неторопливая беседа о литературе, о нынешней жизни. Я поделился своими искренними впечатлениями о прочтанных книгах Айтматова... Классик внимательно слушал и был, смею думать, заинтересован моим читательским откликом. Осмелев, я рассказал о встрече с ним двухгодичной давности на перекрестке: о том, как мы хотели с Гумеровым пригласить его в журналистскую кафешку под флагом. Я думал, о таком пустяке писатель мог и не помнить, но Чингиз Торекулович заметно оживился и сказал:

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и уютно... — Отлебуз в пшалушки чаю, он улыбаясь: — И зря не пригласили!.. Что не хватало у нас денег — не беда... Неужели я бы не купил бутылку коньяка?..

— Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одино